

Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову

Н.А. Богомолов

Аннотация: Публикация полного корпуса сохранившихся писем З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову (1903, 1915–1916) дает богатый материал для определения литературных позиций корреспондентов в годы Первой мировой войны, во многом обусловивших и отношение обоих к революции 1917 года. В 1915 г. чета Мережковских попыталась сблизиться с сотрудником многих предреволюционных периодических изданий А.И. Тиняковым, предполагая обрести в нем если не полного сомышленника, то близкого по духу публициста, которого можно использовать в различных целях: доверять ему рецензировать свои произведения, задавать темы для обсуждения, чтобы затем можно было в полемике реализовать свои собственные устремления, обретать союзника в различных газетных и журнальных предприятиях. Попытка сближения не увенчалась успехом и очень скоро привела к полному разрыву. Письма проясняют некоторые моменты литературных отношений не только Гиппиус и Тинякова, но и других писателей. Письма к А.И. Тинякову – один из разделов готовящегося в серии «Литературное наследство» тома «Из эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус».

Ключевые слова: Зинаида Гиппиус, Александр Тиняков, письма писателей, эпистолярный, русская литература начала XX века

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Письма Зинаиды Гиппиус к А.И. Тинякову это тот (впрочем, нередкий) случай, когда односторонняя корреспонденция позволяет больше узнать не о ее авторе, а об адресате. Учитывая неполноту сегодняшних сведений о личности и судьбе Тинякова, это обстоятельство является особенно ценным. Характерная фигура своей эпохи, при жизни он был отодвинут на задний план литературы, потом на десятилетия забыт, даже дата смерти была долгое время неизвестна. При том что в 1990-е годы интерес к Тинякову стал достаточно заметным, все же представляется небесполезным напомнить его биографию.

Александр Иванович Тиняков родился 13 (25) ноября 1886 г. в селе Богородицкое Мценского уезда Орловской губернии. Происходил из семьи разбогатевших крестьян (дед уже к концу 1860-х гг. был владельцем имения). Учился в Орловской гимназии, однако курса не окончил, покинув ее в 1903 г. После этого он весьма усиленно занимался самообразованием, что в итоге привело к накоплению внушительно выглядящей, хотя весьма беспорядочной эрудиции. Гимназическим учителем литературы у Тинякова был довольно известный литератор Ф.Д. Крюков, которому упорно приписывался прототекст «Тихого Дона»¹. Уже в школьные годы он проявлял значительный интерес к литературе, в 1902–1904 гг. был одним из основных авторов издававшихся в гимназии рукописных журналов «Школьные досуги»² и «Лучи зари»³, а осенью 1903 г. дебютировал в печати⁴, избрав себе поэтический псевдоним «Одинокий».

Раннее творчество Тинякова развивалось параллельно по двум направлениям: с одной стороны, вполне традиционные стихи и проза, нередко с «гражданским» оттенком, которые он публиковал в «Орловском вестнике», с другой — «декадентские». Как показывают письма к Гиппиус, еще до первой своей газетной публикации он уже обращался в «Новый путь» с предложением стихов, и хотя потерпел неудачу, надежды все же не оставляли его. В декабре 1903 г. Тиняков едет в Москву, где по рекомендации Крюкова знакомится с А.С. Серафимовичем и Л.Н. Андреевым, но гораздо большее впечатление на него производит посещение издательства «Скорпион» и встреча с В.Я. Брюсовым, ставшим, как писал Тиняков, «моим литературным

¹ Их переписка: РГБ. Ф. 645. Карт. 5. Ед. хр. 59 (письма Тинякова); РНБ. Ф. 774. № 22 (письма Крюкова). Вполне фантастическая гипотеза об их отношениях высказана в ст.: *Краснова Нина*. Федор Крюков и Александр Тиняков // Наша улица. 2006. № 2. С. 13–25.

² Гос. музей И.С. Тургенева в Орле; см.: *Еремин А.И., Жукова Ю.В.* Рукописный журнал орловских гимназистов начала XX века «Школьные досуги» (Источниковедческий обзор) // Образование и общество. 2005. № 1 (30) январь–февраль. С. 113–120 [Электронный ресурс]. URL: // http://www.jeducation.ru/1_2005/113.html

³ Экземпляр журнала неизвестен; оглавление вышедших номеров 1903–1904 гг. см.: *Тиняков А.И.* Стихотворения / Изд. подгот. Н.А. Богомолов / 2-е изд. Томск; М.: Водолей, 2002. С. 320–322. (далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Тиняков*).

⁴ Одинокий. Последняя песня // Орловский вестник. 1903. 14 сентября. № 244. С. 2.

учителем и предметом моего поклонения»¹. Как раз в это время в Москве шла ожесточенная борьба между «Скорпионом» и «Грифом», причем Брюсов настаивал, чтобы те, кто собирается печататься в «Скорпионе», не смели и думать о «Грифе». К себе в «Скорпион» он Тинякова не взял, но предложил ему строить жизнь по образцу символистского жизнетворчества. Через год с небольшим, 31 января 1905 г. Тиняков написал ему: «В декабре [1]903 г. Вы, прочитав мои стихи, сказали, что я – “не безнадежен”... За год, прошедший с того времени, я почти ничего не печатал, но я много жил, много брал от жизни и много своих чувств и дум положил на ее алтарь. Я – то разъезжал по России в качестве революционного деятеля; то сжигал себя на молитвенном огне Сладострастия и любви к Женщинам; то кружился в вихре бешеных дней отчаянного пьянства; то бросал все и всех и среди бесконечных деревенских равнин прислушивался, как лед Одиночества окутывал мою душу, как голос безграничного Безмолвия и Безлюдия сладостной болью терзал мое сердце, – а потом опять бросался в Море Жизни с надеждой, что мне удастся забыть о тоске, которая всегда томит меня и властно зовет меня куда-то...»². Стихи же его «декадентского» толка впервые публикуются в альманахе «Гриф» (М., 1904), издатель которого С. Кречетов охотно поддерживал начинающего писателя³.

В 1905 г. Тиняков завязывает какие-то сношения с социал-демократами, в апреле 1906 г., как следует из помет под стихами, находился в Орловской тюрьме. Однако вскоре разочаровался в революции и демонстративно публиковал верноподданнические стихи и антисемитские статьи в правой газете «Орловская речь», продолжая в то же время писать и «революционные» стихи. Во второй половине 1900-х годов чаще всего он сотрудничает с мелкими московскими изданиями (газеты «Вечерняя почта», «Час», журналы «Трудовой путь», «Голос жизни») и лишь эпизодически печатается в «Весах», «Перевале», «Золотом руне». Многочисленные стихи, присылаемые им в символистские издания, как правило, отвергались. Однако круг знакомств Тинякова теперь составляют молодые московские писатели-символисты: известно о его близких отношениях с Н.И. Петров-

¹ Тиняков А.И. Отрывки из моей биографии // Тиняков. С. 14. Его воспоминания о Брюсове опубликованы: Последние новости [Пг.]. 1923. 17 декабря; переписка хранится: РГБ. Ф. 386. Карт. 104. Ед. хр. 47–48 (письма Тинякова); РНБ. Ф. 774. № 5 (письма Брюсова).

² РГБ. Ф. 386. Карт. 104. Ед. хр. 47. Л. 1.

³ Его письма к Тинякову – РНБ. Ф. 774. № 39.

ской, сохранилась переписка с В.Ф. Ходасевичем¹, Б.А. Садовским, Л.Н. Столицей, С.А. Клычковым. В 1912 г., после долгих раздумий, он выпустил в издательстве «Гриф» книгу стихов «*Navis nigra*», довольно единодушно оцененную критикой как эпигонскую². Брюсов не откликнулся на выход книги (на что Тиняков жестоко обиделся), но в письме так оценил первый, составленный еще в 1910 г., вариант сборника: «Среди Ваших стихотворений, собранных Вами в "Черном корабле", есть несколько очень удачных. Два основных Ваших недостатка: пристрастие к хитрым рифмам и пристрастие к слишком страшным темам. От того и от другого освободиться можно. Два основных достоинства Ваших стихов: ясность, четкость образов и мелодичность стиха. Эти свои впечатления перескажу Вам подробнее при встрече»³.

В воспоминаниях о Тинякове, вошедших в очерк «Неудачники», Ходасевич писал о том, что больше всего автора оскорбило умеренное внимание критики: «...спокойного доброжелательства, дружеских ободрений, советов работать Одиноким не вынес. В душе он ожесточился»⁴. Дополнительной обидой был коммерческий провал книги: ее напечатал «Гриф», но целиком за деньги автора (точнее, его отца). Из 900 экземпляров за год книжные магазины продали

¹ Письма Ходасевича опубликованы Ю. Колкером: *Континент*. 1986. № 50. С. 353–370; письма Тинякова – РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 85.

² Приведем фрагменты некоторых особенно выразительных отзывов. Так, Н. Гумилев, писал: Тиняков – «ученик Брюсова, но как прав был Андрей Белый, говоря, что брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков – один из раздавленных» (*Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 120; впервые: *Аполлон*. 1912. № 10. С. 75); «...совершенно поработашающее влияние имеет на него В. Брюсов» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2. С. 138; впервые: Альциона. М., 1914. С. 208; ср. его другую рецензию: Там же. С. 85; впервые – *Утро России*. 1912. 24 ноября. № 271. С. 6 (Ходасевич писал, что редакционными купюрами ее тональность была искажена; см.: *Ходасевич В.* Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 330–331). Другие рецензии, иногда более снисходительные и даже хвалебные, см.: *Бальмонт К.* Молодой талант // *Утро России*. 1913. 24 августа; *Чуносков М. [И.И. Ясинский]* // *Новое слово*, 1912. № 12. С. 155–156; *Городецкий С.* // *Речь*. 1912. 5 ноября. № 304. С. 3; *Мешков Н.М.* Новые сборники стихов // *Путь*. 1913. № 1. С. 53–55; *Гуптиус Вл.В.* // *Новый журнал для всех*. 1912. № 12. С. 131; *Печерский Эр.* «Палач» (Из случайных встреч) // *Раннее утро*. 1913. 9 января. № 7. С. 2.

³ Письмо от 24 мая 1910 // РНБ. Ф. 774. № 5. Л.

⁴ *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. М., 1991. С. 444 (впервые: *Возрождение*. 1935. 10 января. № 3508. С. 4; 12 января. № 3510. С. 3).

всего 75. Но все же и такое выступление давало основания для обретения некоторой известности в литературных кругах: сборник был выпущен статусным издательством, внешним оформлением походил на книги признанных поэтов (например, на «Урну» Андрея Белого), его отметили столичные издания, хотя и не слишком хвалили. Но уже это давало основания составить о нем представление, зафиксированное путаными воспоминаниями Георгия Иванова: «...в свое время их [стихи Тинякова] печатали в лучших журналах и критика лестно о них отзывалась. Кстати, московское книгоиздательство “Гриф” издало книгу его стихов одновременно с книгой другого начинающего поэта... Блока»¹. И в другом месте: «Ученейший человек, э... э... э... светлая голова. Мы специально его пригласили в будущую субботу. Он нам прочтет доклад об ассирийских мифах — он ведь знаток э... э... э... и ассириологии. Удивительная разносторонность»².

Именно с такой репутацией Тиняков в 1912 году перебрался в Петербург. Хорошо знавший его В.Ф. Ходасевич так писал Б.А. Садовскому 22 апреля 1916 г.: «Тиняков — паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. [...] На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эс-эром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем (уход из “Северных записок”), потом кадетом (“Речь”). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. [...] Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и кается, кается и грешит»³. К списку тех, с кем Тиняков рассчитывал войти в дружеские отношения, можно было бы добавить А.А. Ахматову и Н.С. Гумилева, Игоря-Северянина, А.А. Кондратьева, Г.В. Иванова и др. В столице было проще

¹ *Иванов Георгий*. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 391 (очерк «Александр Иванович»). Напомним, что «Стихи о Прекрасной Даме» Блока были действительно изданы «Грифом», но семью годами ранее — в 1905 г.

² Там же. С. 404 (очерк «Человек в рединготe»). О тиняковских познаниях в ассириологии см.: *Емельянов Владимир*. Знал ли Александр Иванович халдейский язык? (Об источниках стихотворения А. Тинякова «Тукультипалешарра») // *Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе*. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 109-120.

³ *Ходасевич В.* Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому, М., 1996. С. 355; ср. там же комм. И. Андреевой, с. 413–20.

найти и разнообразную литературную работу. Его имя мы встречаем в журналах «Северные записки», «Новый журнал для всех», «Голос жизни», «Дневники писателей», «Ежемесячный журнал», «Исторический вестник» и других, а также в газетах, начиная с уважаемых «Дня» и «Речи».

В 1913 г. под псевдонимом Александр Куликовский он поместил две статьи в черносотенной газете «Земщина» (4 и 28 октября), получившие одобрение авторитетных черносотенцев. Так, знаменитый Б.В. Никольский записал в дневнике о торжественном обеде 8 ноября 1913 г.: «Здравица за Государя, за героев киевского процесса [т.е. "дела Бейлиса"]», новое стихотворение Ивана Пересветова, розданное гостям, статья Тинякова (Александра Куликовского) в "Земщине"...»¹. В марте 1916 г. Б.А. Садовской опубликовал стихотворный фельетон «Литературные типы. История одинокого человека»², положивший начало кампании осуждения Тинякова, который сам подлил масла в огонь, напечатав через номер в том же популярном «Журнале журналов» скандальную статью «Исповедь антисемита», вызвавшую оживленную полемику в прессе³. Часть литераторов и журналистов прервала с Тиняковым отношения, запомнив скандал на долгие годы (см. обмен письмами между Тиняковым и В.В. Князевым уже в 1921 году⁴). После того, как выяснилась невозможность сотрудничества в сколько-нибудь уважаемых газетах, Тиняков снова стал печататься в «Земщине»⁵, которая, однако, тоже не выдержала долго его сотрудничества. Не удалось ему издать и вторую книгу стихов, задуманную еще в 1910 г. и тогда именовавшуюся «Поругание любви и

¹ РГИА. Ф. 1006. Д. 46. Л. 326 об.–327.

² Журнал журналов. 1916, № 11. С. 14; подп. Б. Борисов. Перепечатано в кн.: Русская стихотворная сатира 1908–1917-х гг. Л., 1974. С. 457.

³ Наиболее подробно она представлена в статье: *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28–37 (далее – *Варжапетян*; ср. также: *Варжапетян В.* Хожение за Тиняковым // НГ-еxlibris. 2016. 10 ноября). Из не включенных в этот обзор откликов назовем: *Андреев Л.* Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1916, 23 марта. Утр. вып. № 15468. С. 6; *Скептик.* Литературные нравы // Речь. 1916, 24 марта. № 82. С. 2; *Мельгунов С.* О современных литературных нравах, М., 1916, с. 44–45.

⁴ ИРЛИ. Ф. 584. Ед. хр. 42; РНБ. Ф. 774, № 19.

⁵ Письмо в редакцию // Земщина. 1916. 17 апреля. С. 3; Русские таланты и жидовские восторги // Земщина. 1916. 22 апреля. С. 2 (обе перепечатаны: *Варжапетян.* С. 32–33, 36).

веры». Новый вариант был оформлен в виде рукописи, судя по ряду косвенных признаков, в 1916 г. под заглавием «Весна в подполье»¹ и предлагался издательству М.Н. Семенова, вообще не очень охотно публиковавшему стихи. Отсутствие постоянной литературной работы, обостряемое хроническим алкоголизмом (Тиняков попадал в психиатрическую лечебницу и под арест за появление в пьяном виде в годы сухого закона), заставило его в примечательный день 25 октября 1917 г. покинуть Петроград и вернуться в Орел.

Практически подводя итог петербургскому этапу своей биографии, Тиняков писал А.М. Ремизову 14 мая 1916 г.: «Особенно несправедливо и грешно, когда меня презирают за мои ”политические” убеждения, потому что убеждения мои совсем по существу не политические, и весь я всегда вне политики, — безразлично — “состою” ли я в правых или в левых. Оглядываясь на 10-12-летие моей жизни, прислушиваясь к тому, что звучит во мне, я должен признать, что огромное место во мне занимают религиозные переживания (не убеждения, а переживания), с ними сплетаются очень сложные и по существу своему чистые художественные переживания, а рядом бужут темные, низкие и злые страсти»².

С 1918 года Тиняков весьма активно участвовал в советских изданиях Орла, потом, после его взятия белыми войсками, — Казани и Чебоксар, преимущественно под псевдонимами Герасим Чудаков, Антип Хлыстов, Александр Орловский; писал публицистические статьи, агитационные стихи, время от времени — критические статьи, впоследствии составившие книгу «Пролетарская революция и буржуазная культура» (Казань, 1920; под псевдонимом Чудаков). В конце 1920 г. возвратился в Петроград, некоторое время жил в Доме искусств, что выразительно описал В.Ф. Ходасевич, сотрудничал в журнале «Красный балтиец», в газете «Красный Балтийский флот», в 1922-1924 гг. много печатался в петроградской газете «Последние новости» и в других периодических изданиях (вечерний выпуск «Красной газеты», «Жизнь искусства»). В 1922 г. выпустил книгу стихов «Треугольник», составил сборник статей о Тютчеве (Пг., 1922), в 1923 г. издал книгу «Русская литература и революция» (Орел), в которой обвинил всю русскую литературу в непонимании идеалов революции. Решительное неприятие в литературных кругах вызвала последняя книга стихов Тинякова «Ego sum qui sum» (Л., 1924).

¹ НИОР РГБ. Ф. 784. Карт. 27. Ед. хр. 24; опубликована: Тиняков.

² ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 264.; Варжанетян. С. 37.

О Тинякове этого времени вспоминают как о совершенно опустившемся человеке, готовом на любую подлость. Однако все же утверждения в мемуарах Ходасевича и Георгия Иванова о том, что он служил в ВЧК, вряд ли соответствуют действительности: журналистская работа не оставляла для этого времени, а если иметь в виду систематические запои, то и тем более.

Последнее из известных автобиографических свидетельств Тинякова завершается словами: «С 1926 г., ввиду отсутствия лит[ературной] работы, занимаюсь нищенством»¹. По воспоминаниям современников, основным местом его промысла был угол Литейного и Невского пр. (или Литейный у книжного кооператива «Колос»), где он сидел с плакатом на груди: «Подайте бывшему поэту». В этом качестве Тиняков описан в «Повести о жизни» М.М. Зощенко. В еще большей степени беллетризован Одинокий в романе Д.Л. Быкова «Остромов, или Ученик чародея».

В 1930 г. был арестован не только за нищенство, с которым советские власти тогда боролись, но и за чтение антисоветских стихов. Два стихотворения такого рода² и выписки из дневника Тинякова, сохранившиеся в архиве карательных органов, были обнародованы Г.А. Моревым. В 1933 г. Тиняков вернулся в Ленинград и писал М. Зощенко: «Был я в лагерях, где мне жилось очень хорошо, но откуда меня, к сожалению, освободили досрочно; отбывал я затем конец срока, — на положении почти свободного гражданина, — в Саратове, где голодал и бедствовал невероятно»³. Выразительное описание его внешности за месяц до смерти находим в мемуарах: «Каждый день, под вечер, идя из улицы Чехова (облагороженный Эртелев переулок) по Надеждинской в булочную на Невском (Проспект 25-го Октября) за полкило хлеба (1 р. 25 коп.), я встречаю медленнодвигающуюся посреди тротуара, опираясь на палочки выставленными вперед двумя руками, высокую фигуру в широкополой серой, мятой, старой фе-

¹ РНБ. Ф. 103. № 141.

² Одно из них («Чичерин растерян, и Сталин печален...») было опубликовано относительно давно (Митин журнал. 1999. № 57. С. 501), другое напечатано недавно (*Морев Глеб*. Стихи «бывшего поэта» // Другой гид (Париж), 2010, № 12. Приложение: Декабрьский сбор друзей. С. 72–73). Выписки из дневника (явно по интернет-публикации Г.А. Морева) см.: *Сенчин Роман*. Одинокий // Литературная Россия. 2011. 30 сентября. № 39. С. 3–5.

³ *Котова Мария*. К истории отношений А. Тинякова и М. Зощенко // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 122.

тровой шляпе и в светло-коричневой плисовой поношенной бекеше, с длинными седыми волосами и бородой, с воспаленным лицом — и все же сохраняющую оттенок старого интеллигента. Это — писатель Тиняков»¹. Скончался он, как установил В. Варжапетян, в ленинградской больнице Жертв Революции 17 августа 1934 года и надолго был забыт всеми.

В последние годы жизни он продавал свой архив, который ухитрился сохранить, несмотря на все житейские испытания. В РГА-ЛИ находится коллекция различных документов, им собранная, а в РНБ — письма к нему. Среди них немало интересных, но едва ли не самые выразительные — письма З.Н. Гиппиус.

В приведенном выше отрывке из письма Ходасевича среди тех, к кому постоянно «прилипал» Тиняков, названы и Мережковские. Нам неизвестно точно, когда он с ними познакомился, однако еще в 1925 году вспоминал: «Виднейшие писатели интересовались мною. Одно время я был в очень хороших отношениях с Ф.К. Сологубом, затем еще ближе сошелся с Д.С. Мережковским и Зин. Н. Гиппиус, которую я и сейчас считаю самой замечательной и безусловно самой очаровательной личностью среди всех наших литераторов»². Сохранившиеся письма начинаются, если не считать ответа из редакции «Нового пути», с 31 марта 1915 года, однако вполне очевидно, что приятное знакомство произошло ранее. В появившемся 18 февраля этого года восьмом номере журнала «Голос жизни», действительное участие в котором принимал триумvirат Мережковских и Философова (последний значился «ближайшим участником» выходившего без имени редактора журнала, а первые там печатались, начиная с первого же номера), появилась статья Тинякова «К переоценке ценностей», на которую в следующем номере отвечал А. Кр., то есть Антон Крайний — Зинаида Гиппиус. В письмах следов этой полемики обнаружить не удастся, однако она весьма любопытна сама по себе.

В своей статье, уже названием отсылающей к Ницше (и действительно, его имя появится в тексте), Тиняков довольно неоригинально с точки зрения профессионала, но в то же время явно претендуя на новое слово в истории мировой культуры, говорил, что исконная задача России состоит не в том, чтобы перенять достижения западной

¹ *Энгельгардт Н.А.* Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 10.

² *Тиняков А.* Отрывки из моей биографии. С. 15. Эпиграфом из З. Гиппиус сопровождается стихотворение Тинякова «Шудра» (1916).

цивилизации (в том смысле, в каком это слово употреблялось в начале XX века), а в отказе от нее и в желании сохранить те духовные ценности, которые в ней уцелели, погибнув или погибая в Европе. Вот какова его аргументация (возникающая из полемики с Ф. Сологубом): «...после монгольского ига на русские плечи упало новое иго, быть может, более опасное; именно: со времени Петра I руководящие классы русского общества слишком резко повернулись в сторону Запада, и в конце концов почти вся русская интеллигенция дошла до чрезмерного преклонения пред достижениями и устремлениями европейцев. Между тем на Западе далеко не все было благополучно. [...] К началу XX века несоответствие между достижениями материальной, интеллектуальной и духовной культуры на Западе стало угрожающим. [...] Под тлетворным дыханием жадности, под зловещим дыханием торопливости стала задыхаться европейская мудрость, стала угасать европейская красота. Безумие глянуло в мир из гениальных книг Фр. Ницше, уродливые лики декадентства и футуризма зареяли над европейскими литературами, а возвышенная жизнерадостность Гёте превратилась в пошлое самодовольство... [...] На Западе стремятся поработить себе природу, — мы должны стремиться к творческому, но мирному сотрудничеству с природою. Активность Запада и миролюбие Востока должны мы соединить в себе, и плодом этого соединения должна стать наша будущая культура. [...] Мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать в себе европейское, германское упорство, немецкую волю; но с помощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сообщения, а наше нравственное “я”. “Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопчет и заботится о всем внешнем, — хозяйкою нашего великого русского дома останется все же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых”, — пишет Сологуб. Но если так, то хозяйке нашего дома не нужны броненосцы и граммофоны и заботы о чем-либо подобном, ибо Мария не забудет слов Учителя, сказанных ее сестре: “Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно”. Здесь не может быть колебаний и совмещений: Христос и Эдиссон идут в разные стороны, и если нам душа Марии действительно ближе души Марфы, то мы пойдем за Христом, не слушая того, что нам будет кричать Эдиссон в усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдем, но и наших западных братьев попытаемся увлечь на наш путь!»¹

¹ Тиняков Александр. К переоценке ценностей // Голос жизни. 1915. № 8. С. 12–14.

Гиппиус отвечала ему буквально в следующей книжке журнала: «Очень опасен уклон статьи г. Тинякова [...] Опасен и неверен, хотя исходит автор из верных положений, — о *двойственности* культуры. Я касался этого вопроса неоднократно («Голос Ж[изни]», «День»). Да, понятие культуры — двусторонне. Да, известная стармонированность между культурой внутренней и внешней может назваться настоящей Культурой. Не совершенная гармония (ибо мир только идет к совершенству), но хотя бы связь, последовательное сцепление. [...] Переразвитие внешней культуры ведет к механике, к автоматизму — к падению; переразвитие стороны внутренней — к разъединению, к вымиранию, к одичанию — т.е. опять к падению. У нас и у немцев — две разные, но *равные* опасности. Перепроизводство внешней культуры у немцев в ущерб внутренней (всякое ненормальное развитие одной стороны идет в ущерб другой, соответственно умаляет ее), грозит им механикой, разложением личности; наше переразвитие духовное, не гармонирующее с уровнем нашего внешнего развития, носит в себе ту же, обратную, но равно страшную угрозу. А г. Тиняков предлагает нам следовать дальше как раз по этому, самому для нас опасному склону. [...] К вырождению ли духа ведет путь или к вырождению плоти — на конце обоих одинаковая гибель. Допустим, что в Германии разлагается личность; а мы будем ли правее и счастливее, если у нас начнет разлагаться — общество? «Христос и Эдиссон идут в разные стороны», — утверждает г. Тиняков. Сопоставление не из удачных, но все равно, мы берем не личности, а принципы. И тут я должен в сотый, в тысячный раз сказать: нет, они именно идут в одну сторону, вместе, неразрывно слитые в одном *движении*. Мало того: в Христе уже есть Эдиссон, и отречение от Эдиссона равносильно отречению от Христа»¹.

Продолжилась полемика и далее. Тинякову запальчиво отвечала М. Шагинян², он же, не осмеливаясь затронуть позицию Гиппиус, в своем письме в редакцию «Голоса жизни» отводил некоторые обвинения Шагинян, указывая на неверное понимание отдельных положений его статьи, а также на ошибочные (с его точки зрения) утверждения оппонента в области истории и антропологии³. По замыслу, вероятнее всего, принадлежащему Гиппиус, полемика перешла и в стихи:

¹ А. Кр. [Гиппиус З.] Равноценности // Голос жизни. 1915. № 9. С. 1.

² Шагинян М. Европа и мы. Ответ г. Тинякову // Голос жизни. 1915. № 14. С. 8–9

³ Тиняков Александр. Письмо в редакцию // Голос жизни. 1915. № 18. С. 18.

расположенные на одной полосе непосредственно вслед за статьей Шагинян три стихотворения О. Мандельштама под общим заглавием «Из цикла “Рим”» и два стихотворения Тинякова также были направлены друг против друга¹. Своеобразное завершение полемики можно усмотреть в отклике Тинякова на книгу С.Н. Булгакова «Война и русское самосознание», где он в значительной степени повторяет положения Гиппиус, несколько по-иному их аргументируя².

К 1915 году относится наибольшее сближение Тинякова с четой Мережковских, которые, по всей видимости, предполагали обрести в нем если не полного сомышленника, то близкого по духу публициста, которого можно использовать в различных целях: доверять ему рецензировать (под строгим контролем) свои произведения, задавать темы для обсуждения, чтобы затем можно было в полемике реализовать свои собственные стратегии, обретать союзника в различных газетных и журнальных предприятиях. Однако эти надежды были развеяны еще до того скандала начала 1916 года, о котором мы писали выше. Прелюдией размолвки послужили выступления Тинякова с резкой оценкой новых сборников статей и прозы Б.А. Садовского³, с которым он ранее близко дружил, переписывался и пр. Нам неизвестно, да, вероятно, и не очень важно, какова была последовательность. Еще в феврале 1915 года они вместе с Садовским навещают общего их друга А.А. Кондратьева (не застав его)⁴. 27 мая Садовской пишет Тинякову вполне мирное письмо⁵. Но в письме от 6 июня Тиняков уже отвечает ему едва ли не в истерике: «Бог Вас знает за что Вы желаете истребить меня из литературы! Я Вам зла не делал и не желал, а Вы разным паршивым жуликам рассказали что-то про какую-то “Земщину”, — и они этим уже начали пользоваться в своих низких

¹ Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 года // *Русская публицистика и периодика эпохи первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы.* М., 2013. С. 243–254.

² *Тиняков Александр.* Византиец XX века // *Речь.* 1915. 3 (16) августа. № 211 (3234). С. 3–4.

³ См.: *Чернохлебов Иван.* Критика с погоста // *Голос жизни.* 1915. № 19. С. 19–20 (рецензия посвящена скандальной книге Садовского «Озимь»); *Тиняков Александр.* [Рец. на:] Борис Садовской. Лебединые клики. Пг., 1915 // *Речь.* 1915. 7 (20) сентября. № 246 (3269). С. 3–4.

⁴ Письмо А.А. Кондратьева к Тинякову от 27 февраля 1915 // РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 60; 10 марта тот же Кондратьев зовет Тинякова на вечер с присутствием Садовского (Там же. Л. 61).

⁵ Прочитировано — *Варжанетян.* С. 27.

целях. [...] Сознаю в себе, как святыню, мою Арийскую душу и не могу загнать себя ни в какую жидовскую каморочку. [...] А когда Вы у меня будете хлеб отнимать, я буду бороться, как зверь, как гад и как дьявол — вместе! [...] Фет, Случевский, Лесков — богатыри были, да и то их Рославлевы с Ауслендерами затравили и в грязь втоптали. Но верую свято и твердо: будет время, и критика *русская* по достоинству отметит тех и других и громко скажет, что черносотенцы Тютчев и Фет дороже народу русскому, чем высоко-радикальные Ауслендеры, именно же из *odiosa sunt*»¹. Для нас очень важно, что их расхождение было во многом замешано на отношении к Мережковским, о чем свидетельствует еще одно письмо Тинякова Садовскому: «Мережковский прислал мне полное собрание своих сочинений и несколько очень лестных писем. По совести сказать, это — честь, еще не заслуженная мною, и, конечно, — счастье великое. Я буду писать о нем большую статью и, вероятно, прочту публичную лекцию (мысль о лекции пришла в голову не мне) [...] Толстой, Достоевский и Мережковский — самые значительные русские писатели; даже Пушкин — при всем его художественном таланте и уме, не сказал слова столь значительного, какое сказали они. *Над* ними только Тютчев и З.Н. Гиппиус»².

Однако, судя по всему, именно преклонение и попытка «открыть душу» перед Мережковскими и привели Тинякова к разрыву отношений с ними. Еще в конце 1915 года Тиняков, судя по всему, рассказал Гиппиус кое-что о своем прошлом сотрудничестве с черносотенной печатью (видимо, намеками), на что она отвечала ему несколькими содержательными письмами, которые по сути составляют центральный нерв переписки, поскольку именно в них Гиппиус формулирует свое отношение к важным темам: верности (даже в неверном), антисемитизму и его вариациям, к правой печати, к человеческой психологии, в том числе и к психологии самого Тинякова. Никакого сочувствия у Гиппиус Тиняков не нашел. Очень характерно, что их отношения прекращаются еще до публичного скандала. Тем более невозможно стало общение Мережковских с ним после повторного возвращения Тинякова в «Земщину». Последнее из публикуемых нами писем читается как объявление о разрыве всяческих отношений.

Но печатное развернутое суждение Тинякова о творчестве Гиппиус сохранилось, и относится оно к более позднему времени. Это

¹ Там же. Ответ Садовского — там же.

² *Ходасевич Владислав*. Некрополь [...]. С. 417 (коммент. И.П. Андреевой).

его пометы на книге «Последние стихи» и написанная на основе этих помет рецензия на книгу, где читаем: «Говоря о последней книге стихов К. Бальмонта (“Орл[овские] изв[естия]”, 11 августа)¹, — я не мог определить состояние этого поэта иначе, как словами: “во власти классового бешенства”. То же самое я принужден сказать и о г-же Гиппиус. [...] Книжка г-жи Гиппиус, — как и разобранная мною ранее книжка Бальмонта, — не имея никакой чисто литературной ценности, — служит, однако, весьма важным обвинительным документом против нашей интеллигенции. Эта самая интеллигенция очень любит говорить о своей “сверхклассовой” психологии, о своем беспристрастии и бескорыстии, о своих заслугах перед революцией и перед народом. Книжки г-жи Гиппиус и Бальмонта с неопровержимой ясностью показывают, что интеллигенция наша, даже в лице культурнейших своих представителей, — вовсе не отличается какими-то небывалыми “сверхклассовыми” качествами, и вполне и всецело примыкает к единому определенному классу — к буржуазии. И насколько враждебна народу буржуазия, настолько же враждебна ему и буржуазная интеллигенция. [...] “Нагайки” и “хлысты” для народа, — это ее подлинные слова. Прибавить к ним почти нечего, — взгляды негодования в данном случае были бы только наивностью. Но можно и должно, в виду подобных буржуазно-интеллигентских признаний, лишний раз напомнить трудовому народу, особенно пролетариату, — что стоит ему хоть на миг задремать, хоть на миг отступить — и буржуазная нечисть набросится на него и упьется народной кровью [...] — “Последние стихи” З. Гиппиус ругаются за то, что — в бешенстве своем — буржуазия способна на все»².

Гиппиус же о Тинякове, кажется, не вспоминала вообще, даже в связи со своим кружком молодых, о котором неоднократно рассказывала.

Письма хранятся: РНБ. Ф. 774. № 11. Значительная часть п. 9 опубликована в комментарии И. Андреевой в кн.: *Ходасевич Владислав*. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма к Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 418–419.

¹ См.: А.Т. Во власти классового бешенства // Орловские известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 11 августа. № 138. С. 4.

² *Чудаков Герасим*. Во власти классового бешенства. Заметка вторая // Орловские известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 6 октября. № 182. С. 4. Эта статья, равно как и пометы Тинякова на книге, опубли.: *Лекманов Олег*. 15 помет Александра Тинякова на книге Зинаиды Гиппиус «Последние стихи» (1918): К построению читательской истории литературы // *Антропология революции*. М., 2009. С. 127–138.

1. [2 мая 1903.Петербург]*

2.5.03

Милостивый Государь.

К сожалению, присланные Вами стихи не могут быть напечатаны, благодаря недостаточно выработанной форме. Быть может, Вы пишете что-либо прозой? Стихотворный отдел нашего журнала вообще не широк.

С уважением
За редактора

З. Гиппиус.

На бумаге: Новый путь. Ежемесячный журнал. Спб., Невский, 88. Конверт с адресом: г. Орел. 2-я Курская ул. д. Граф. Александру Ивановичу Тинякову. Почт.штемпели: Спб. 2 май 1903. Орел 4 мая 1903.

2. [31 марта 1915.Петроград]

31-3-15. Спб. Серг[иевская] 83

Многоуважаемый Александр Иванович.

Вы очень все преувеличиваете. Я сама критик и хорошо знаю, чего я стую и чего не стую. Слишком увлекаться средними произведениями средних современных писателей так же опасно, как слишком их бранить.

Я задержала корректуру вашей статьи о «З[еленом] К[ольце]» (по-сылаю ее вам), во-первых, потому, что хочу показать вам, какие выкидки из нее считаю обязательными (для себя); во-вторых, — имея в виду ваше письмо, где вы говорите, что после прочтения пьесы сказали бы иначе о стороне общественной¹. Кстати, и Д[митрий] Вл[адимирович]² находит, что эта сторона в вашей статье смутна.

Во всяком случае, жду статьи не позже воскресенья³, когда надеюсь увидаться с вами.

Сердечно ваша

З. Гиппиус.

* В коммент. приняты сокращения:

Варжапетян — *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28-37.

Гиппиус. Стихотворения — *Гиппиус Зинаида.* Стихотворения / Изд. подгот. А.В. Лавров. Спб., 1999 (Новая Библиотека поэта. Большая серия).

Тиняков — *Тиняков А.И.* Стихотворения. 2-е изд. / Изд. подгот. Н.А. Богомолов. Томск; М., 2002.

Р.С. Относительно «Лукоморья» сказать можно много, но лучше при свиданьи⁴.

Сохранился конверт с адресом: Александру Ивановичу Тинякову. В.О. Малый пр. 32 кв 8. *Здесь*. Почт.штемпель: Петроград 31.3.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 1 апр[еля] 1915».

¹ «Зеленое кольцо» — пьеса Гиппиус, поставленная В.Э. Мейерхольдом в Александринском театре (премьера состоялась 20 февраля 1915 г.). Сводка рецензий о постановке: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. М., 2005. Вып. 3: 1911 — октябрь 1917. С. 374. Статьи о спектакле, написанной Тиняковым, мы не знаем. Судя по всему, она была набрана для еженедельника «Голос жизни», издававшегося «при ближайшем участии Д.В. Философова», упоминаемого в следующей фразе, да и сама Гиппиус была активным автором журнала (см. об этом во вступительной статье). В журнале постановку рецензировал Н.Л. Слонимский («Зеленое кольцо» // Голос жизни. 1915. 11 марта, № 11. С. 18–20), однако его статья была больше похожа на пересказ сюжета. Видимо, статья Тинякова носила полемический характер, что вызвало нарекания как Гиппиус, так и Философова.

² Философов, бывший фактическим редактором «Голоса жизни».

³ Следующее воскресенье приходилось на 6 апреля.

⁴ «Лукоморье» — журнал, выходявший в Петербурге-Петрограде с апреля 1914 по сентябрь 1917 г. Издателем был М.А. Суворин, редактировали журнал в разное время А. Ренников (А.М. Селитренников), сам Суворин и Н.Ю. Жуковская. Журнал предлагал писателям и художникам повышенные гонорары, однако многие, исходя из одиозной для «левой» общественности репутации как А.С. Суворина, так и его наследников, отказывались там печататься или же сокрушались, подобно М.А. Кузмину: «До чего дошел: в суворинский журнал иду» (*Кузмин М. Дневник 1908–1915*. СПб., [2000]. С. 441). В начале 1915 г. Тиняков напечатал там два стихотворения (31 января, № 5; 18 апреля, № 16), Мережковские в нем не сотрудничали. Подробно об истории журнала см.: *Лекманов Олег. «У Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала* // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411–426.

3. [18 апреля 1915. Петроград]

18-4-15

Серг[иевская] 83 Спб.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Подумайте, какое же у меня право указывать вам линию поведения. Поведение — только знак внутреннего взгляда; не свободен ли тут каждый, и на кого можно «сердиться» за несогласие? Я могу огор-

чаться, если нахожу, что кто-нибудь, с *моей точки зрения*, в неправде. Но это уж мое дело. И перемена поведения ничего еще не меняет; будет насильственно. Пока «сердце ваше не осуждает вас»¹, — пишете в «Лукоморье», а я только оставляю за собой право надеяться, что когда-нибудь «сердце осудит», и эта линия само [так!] собою перемнит у вас направление.

Стихи не нравятся мне². «Политически-недостойного» ничего нет, но какие-то они слабые, не нужные. Для инакомыслящих могут быть «удобными», впрочем. Есть многое, что живо и хорошо, пока облечено в молчание, а «описанное» — гаснет и даже может начадить.

А ваша статья о Розанове вышла удачна³. Ее очень одобряет и ДС., и жалеет, что не попросил *вас* дать отзыв в «Г[олосе] Ж[изни]» о его новых книгах⁴.

Пожалуйста, бросьте лишние сомнения и спокойно приходите завтра.

З. Гиппиус.

Конверт журнала «Голос жизни» с адресом редакции: Петроград, Лиговская, 114. Послано на тот же адрес Тинякова. Почт. штемпель: 18.4.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 19 апр[еля] 1915».

¹. См.: «Возлюбленные! Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1 Ин 3: 21).

². Судя по всему, имеется в виду только что напечатанное в «Лукоморье» стихотворение «Страшна смиренная Россия...» (1915. № 16). Текст см.: *Тиняков*. С. 282.

³. Речь идет о статье: *Чернохлебов Иван* [Тиняков А.И.]. В.В. Розанов и война // Голос жизни. 1915. № 16 (15 апреля). С. 8-11.

⁴. О желании Мережковского видеть Тинякова автором статьи о своих книгах говорят его письма. 23 июля Мережковский писал: «Мне очень важно, чтобы Вы написали обо мне статью. Я не сомневаюсь, что Вы ее в конце концов напечатаете. Думаю, что в Биржев[ых ведомостях] или Дне возьмут — я там пользуюсь некоторым влиянием. Сегодня я отдал распоряжение, чтобы Сытин послал Вам Полное Собрание моих сочинений» (РНБ. Ф. 774. № 29); 25 июля: «Конечно, с великим интересом прочту Вашу статью и скажу мое мнение. Очень было бы хорошо, если бы Вы ее прочли в виде лекции публичной. Я думаю, что она собрала бы публику и вызвала бы обмен мнений, что подготовило бы впечатление для печати» (Там же). И, наконец, 17 ноября: «Я говорил Гаккебушу (Биржев[ые] Ведом[ости]) о Вашей статье. Он согласен ее напечатать. Если она не пойдет в “Голосе”, то не отдадите ли ему (Мих. Мих. Гаккебуш, Галерная 40, Бирж. В.). Очень хотелось бы, чтобы Ваша статья все-таки появилась» (Там же; тексты писем предоставлены М.М. Павловой).

4. [12 октября 1915. Петроград]

12-X-15

Дорогой Александр Иванович.

Дм. Серг. просит меня известить вас, что завтра на Моховой читать не будет¹. Он простудился, болит горло, не выходит. Надеюсь повидаться с вами у нас в среду, но т.к. Дм. С-чу трудно говорить, то он просит вас не посетовать, что свидание откладывается.

Я часто вспоминала вас за это время и всегда с самым хорошим чувством.

З. Гиппиус.

Открытка с адресом: Здесь. В.О. 11 линия, д. 52, кв. 20. Александру Ивановичу Тинякову. Почт. штемпель: 12.10.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 13 окт[ября] 1915».

¹ Сведений о таком чтении в печати обнаружить не удалось. Возможно, имеется в виду доклад, о котором Мережковский пишет в своем письме к Тинякову от 10 октября: «Если получите повестку (я просил, чтобы Вам послали) «на чашку чаю» к Шубину-Поздееву, имейте в виду, что я там читаю доклад о русском “единовластии” по отношению к церкви. Там собрание думских прогрессистов» (РГБ. Ф. 774. № 29).

5. [31 октября 1915. Петроград]

31-X-15

Серг[иевская] 83

Многоуважаемый Александр Иванович, Дм. Серг. все собирается назначить нам «свидание», а я все жду, но конца сборам не вижу. Лучше вы попросту приходите *ко мне* днем в воскресенье, когда сможете, по примеру прошлого года. Вот хотя бы завтра, 1-го. Тогда виднее будет и насчет приватного свиданья.

После Дм. С. и я была больна ангиной, до сих пор не выхожу. У меня теперь в воскресенье никто почти и не бывает, я никого не зову особенно. А тут еще всяческие болезни...

Итак, надеюсь, до завтра.

Ваша
З. Гиппиус.

Закрытое письмо на тот же адрес. Почт. штемпель: 31.10.15. Помета Тинякова карандашом: «1 н[оя]бр[я] 1915».

6. [12 декабря 1915. Петроград]

9-12-15 Спб

Многоуважаемый Александр Иванович.

Напротив, я совершенно не хочу, чтобы вы молчали по вопросу, который я тоже считаю крайне интересным и важным. Более важным, чем это воображают невинные наши сочлены¹. Так как вы видите, — из них, если кто и хочет здесь что-нибудь сказать — не может, то на вас, на могущего, ложится сугубая обязанность говорить. Полагаю, однако, что чем вы искреннее будете говорить, тем лучше. Что за беда, если наши с вами убеждения тут не вполне сойдутся. Это будет значить, что кто-либо из нас ошибается; или оба, а правда посередине, и в столкновениях мы ее найдем.

Читали ли вы, в 1 № студ[енческого] журнала «Студ[енческая] Мысль», статейку «Забытые»? Она даже поставлена на анкету². И любопытна... опять тем же, опять ожиданием героя, учителя, жалобами на то, что «писатели, между прочим» «забыли молодежь» и нет ни одного, указывающего «как жить». Как беспомощно, как старо и слепо!³

Относительно «Зел[еного] Кольца» я Вам скажу в воскресенье, ибо увижу Ляцкого в пятницу⁴. А вы до пятницы дайте мне какой-нибудь ответ о ваших статейных и отзывных планах, т.е. что бы вы хотели и смогли из них конкретизировать для трех книжек первых, и в какие сроки. Ляцкий мне все звонит, Гиппиус до Рождества пальцем не может двинуть, и я решительно не представляю себе будущего. Если в пятницу я смогу ему, Ляцкому, ответить хоть относительно вас, и то уж хорошо.

А вопрос «учительства, водительства, наставничества и начальничества» — не оставляйте, поставьте его как можно резче⁵. Этим вы серьезно поможете.

Искренно ваша
З. Гиппиус.

Не забудьте ваших «приводимых». А Оцуп — теософ? Я и не знала. Хотя похоже⁶.

Отправлено по тому же адресу. Почт. штемпель: 10.12.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 10 дек[абря] 1915».

¹ Речь идет о собраниях литературной молодежи у Мережковских. Подробнее о них см.: З.Н. Гиппиус в переписке с братьями Н.Л. и М.Л. Слоним-

скими (1915–1923): История личных и творческих отношений / Вст. ст., подг. текста и коммент. Кита Триббла (*США*) // Русская литература. 2006. № 6. С. 193–229.

² *Ледерман Михаил*. Забытые // Студенческая мысль. 1915. № 1 (декабрь). Стлб. 25–28. В заключение говорилось: «...редакция обращается к читателям с просьбой высказать свои мысли о том, что представляло собой студенчество за последнее десятилетие. Данные анкеты будут опубликованы на страницах журнала». Журнал, однако, остановился на первом номере.

³ Гиппиус пересказывает следующий абзац статьи: «Творцы мысли, к вам зываем мы. Скажите, что представляло студенчество в последние пять лет. Чем оно жило и что оно создало? Если бледны узоры нашей жизни, уловите неуловимое. Может быть, оно и теперь скрыто бунтует в разрешении смысла жизни. Куда идти?» (Там же. Стлб. 28).

⁴ Пятница приходилась на 11 декабря. Речь, вероятно, идет о том же отзыве Тинякова по поводу спектакля «Зеленое кольцо», что и в п. 1. Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) – этнограф, литературовед, литератор. Принимал участие в работе многих периодических изданий. Однако о его журнальных или газетных планах на этот период информации собрать не удалось. С осторожностью можно высказать предположение, что обсуждалась возможность напечатать статью Тинякова в приложении к книжному изданию «Зеленого кольца» (Пг.: Огни, 1916; Ляцкий близко стоял к этому издательству). Гиппиус рецензировала его книгу «Роман и жизнь. (Развитие творческой личности Гончарова)» (Прага, 1925): Самое интересное // Последние новости. 1925. 27 августа. № 1638. С. 2; подп.: Антон Крайний. Перепеч.: *Гиппиус Зинаида*. Мечты и кошмар [На перепл.: Неизвестная проза 1920–1925 годов]. СПб., 2002. С. 481–486. В связи с этой рецензией и изданием в Праге ее воспоминаний «Живые лица» состояла с Ляцким в переписке (см.: Евгений Ляцкий. Материалы к биографии / Подг. текстов и публ. д.и.н. С.И. Михальченко. Брянск, 2000. С. 96–117).

⁵ Публикация доклада или специальной статьи Тинякова на подобную тему нам неизвестны.

⁶ Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) – поэт, прозаик, публицист, историк литературы, член Третьего «Цеха поэтов», с 1922 в эмиграции. В 1915 входил в «Кружок поэтов» Петербургского университета. В единственном, насколько мы знаем, сохранившемся третьем выпуске его машинописного альманаха (РГБ. Ф. 245. Карт. 11. Ед. хр. 50) напечатаны его стихи рядом с произведениями других молодых поэтов, близких в то время к кругу Гиппиус, – Н. Адуева и Г. Маслова. О теософских контактах Оцупа этого времени нам ничего неизвестно, хотя, возможно, это проливает некоторый свет на его редакторство знаменитого альманаха «Числа», издававшегося в значительной степени на деньги теософов.

7. [11 декабря 1915. Петроград]

11-12-15 Спб.

Тринадцатого, многоуважаемый А.И., *начинать* не следует ничего (если не следует!), а продолжать — что угодно¹. Мороз — причина более уважительная, хотя мне будет особенно жаль, если вы не придете, потому, что в *следующее* воскресенье я не наверно присутствую и могу не услышать вас. Нынче же, полагаю, и так многие не придут, кто болен, кто замерз, кто «проштрафился»... Было мне возни за неделю с этим роковым «учительством»! Жюльен² прислал длинную записку по вопросу.

Очень возможно, что вы и будете писать беллетристику, но должна признаться, что не мнение Горького меня в этом убеждает³.

Итак, надеюсь — до свиданья.

З. Гиппиус

Закрытое письмо на тот же адрес. Почт. штемпель: 11.12.15.

¹ Речь, судя по всему, идет о том же докладе Тинякова, что и в п. б. 13 декабря было воскресенье, т.е. день встреч «молодежи» у Мережковских.

² О ком идет речь, неизвестно.

³ В «Отрывках из моей биографии» Тинякова к 1915 г. отнесена фраза: «Завязалась у меня переписка и личное знакомство с М. Горьким» (*Тиняков*. С. 15). 7 декабря, прочитав отзыв о своем рассказе «Пропащий», Тиняков спрашивал Горького: «...быть может, Вы сообразовали сказать мне несколько откровенных слов о том: есть ли, по Вашему мнению, у меня вообще способность к художественному творчеству или же выше анекдота не пойду? [...] Я за карьерой беллетриста не гонюсь, но если понимающие люди, как, например, Вы, — найдут в моих писаниях нечто неглупое и живое, то отчего же и не поработать?» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 482; в коммент. И.А. Зайцевой). На следующий день Горький отвечал: «...беллетрист ли Вы? Я почти уверен в этом. Читая Ваши рецензии, я вижу в них прежде всего беллетриста. И если позволите советовать — совету: пишите рассказы. Очень советую» (Там же. С. 288). К тому времени у Тинякова была напечатана повесть «Старый редактор» (Новый журнал для всех. 1914. № 3), о которой он сам говорил: «...надо сознаться, очень плох[ая]» (*Тиняков*. С. 15).

8. [22 декабря 1915. Петроград]

22-12-15

Мне весьма будет жаль, дорогой А[лександр] И[ванович], если вы так и уедете на неопределенное время, не узнав, как двое из слушавших вас реагировали на ваши слова. К сожалению, вам они ничего не гово-

рят, а пишут потом — мне. Жюльен мне написал вообще любопытное письмо (в то же воскресенье), а вас, по-моему, понял глубоко превратно¹. Ястребова² письмо тоже чрезвычайно интересно; очень мы понимаем мало каждого человека! и вы, конечно. И вас, естественно.

Забыла сказать еще, что очень бы хорошо, если б вы взяли написать о трех письмах Тургенева (о фр[анко-]пр[усской] войне), они только что вышли в «Прописях» и необыкновенно интересны в связи с сегодняшним днем. Если вы не сейчас уедете, я бы вам могла дать и книжку³.

Всего хорошего

З. Гиппиус.

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель: 22.12.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 23 дек[абря] 1915».

¹ Личность этого человека установить не удалось, письмо нам неизвестно.

² Ястребов Николай Николаевич (1885–?) начинающий поэт из круга Гиппиус, студент физико-математического факультета Петроградского университета, офицер. Его стихи напечатаны в «Голосе жизни» и в собранной Гиппиус антологии «88 современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус» (Пг., 1917). См. также: *Ястребов Н.* Зори грядущего // Голос жизни. № 15. С. 7–8; на эту статью отвечала Гиппиус: *Антон Крайний.* Зори ли? Грядущего ли? // Там же. С. 9–10. Ему посвящено стихотворение Гиппиус «Непоправимо». Справки о нем см.: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 474–475; *Гиппиус.* Стихотворения. С. 509 (коммент. А.В. Лаврова).

³ Имеется в виду публикация: [Тургенев И.С.] Корреспонденции о Франко-Прусской войне // Русские Прописи: материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1916. Т. 3: Писания И.С. Тургенева, не включенные в собрания его сочинений. С. 202–219.

9. [30 декабря 1915. Петроград]

30 Дек. 15 Спб.

«...он говорит нам, что... всякое общественное (даже политическое) дело по существу своему не менее религиозно, нежели жаркая молитва верующего. Он говорит нам о социальной жизни: войдите, и здесь Бог; но он прибавляет: помните же, что здесь Бог и что вы служите ему».

(Чаадаев)¹.

Ваше письмо, Александр Иванович, трижды мне доказывает, как мало еще вы меня знаете.

О первом пункте не будем, пожалуй, говорить: слишком серьезен он, в принципе, для вас. Вкратце же скажу вам, с простотой, что я недостойна человеческого *поклонения*, как недостойн его всякий человек. *Этому* вашему лику я, в сущности, могла бы только ответить: «отойди от меня, сатана»²; но я не верю, что у вас есть, действительно, такой «лик»; я считаю это временным вашим душевномысленным заблуждением, непреодоленным соблазном. И понимаю, что здесь знание или незнание меня — не играет роли; не важно, я ли именно или не я. В данном действии все лежит на субъекте, а объект безразличен, по самому своему положению — пассивности.

Другое дело, когда мы переходим к той части письма, в которой вы меня спрашиваете, как отнесусь я к вашему, вот такому-то, прошлому. Вы даже предполагаете, что, быть может, я «не захочу вас видеть». Это странное предположение связано с не менее странными (обращенными ко *мне*) вашими пояснениями насчет того, что ваша «личность» не вмещается ни в «политику», ни в какие бы то ни было «политические партии»³. Думаете ли вы, что моя вмещается, или даже что я допускаю вмещение другой какой-нибудь «личности»? Личность вмещается только в Бога, но в нее-то вмещается очень многое, и так надо, только надо, чтобы это многое было доброе, светлое, а не темное, такое, что было бы не стыдно, не больно нести и донести. И вечный происходит отбор, выбор. Иной раз приходится брать тяжелый кусок шлака, если есть в нем золотые зерна; ради них трудишься, и отбор делаешь в пути, время помогает воле. Партии, группы и т.д., все, что касается правды *человечества*, это отдельные земляные, грубые куски, золотых слитков нет; но надо хватать эти куски и *выбирать* те, которые можно очистить, в которых *есть* золото, а не пустая черная земля.

Вы брали эс-деков⁴; вы испугались, что с ними можно «потерять душу» (личность). Да, можно, еще бы! Если личность еще так мала, что вмещается в них, а не их в себя вмещает. Вы пошли туда, где «личность» как бы явно поддерживается, пошли как бы в более для нее безопасное место, сохранное. («Анти» — не важно для того, для кого Христос не важнее моего «я»). Ну и что же дальше? Ведь из этого «безопасного» места вы тоже ушли. Ушли не только из этой жизненной реки (воды всех жизненных рек довольно грязны, было бы за что грязь прощать) — но и от внутренних устьев данного места отошли. Куда? С чем? Во имя чего? Не хочу и не могу сказать «в пустоту», но во всяком случае вы вне рек жизни, опять «душу сохраняете», боитесь, как бы ее грязной водой не смыло.

Я, впрочем, не сужу ни вас, ни того, чего я не знаю. Каждый знает о правде то, что может, свое, по совести. Я смиренно не боюсь поте-

рять душу, лезу в ту реку, что течет, по-моему, в верную сторону. Если душа захлебнется в этих волнах, туда ей и дорога. Было что хранить! Беда не в том моя, что лезу в воду, а в том, что порою еще по-старому, по слабостям, уклоняюсь и не во всю свою меру лезу.

Понимая ваш путь, ваши переходы и то, что вас толкало к Розанову⁵, к Бор. Никольскому⁶ и т.д. — я не только не могла бы предать вас за него остракизму (Пешехонов⁷ я, что ли? Ленин?) — но и за более опасное ваше плавание в черной реке не сумела бы поставить на вас крест. Например, если бы во времена близости вашей к Розанову последний убедил, соблазнил вас написать антисемитическую статью в каком-нибудь «Русском Знамени»⁸ и поместил бы ее там хоть без имени, — что бы этот факт прибавил или убавил для меня? Ровно ничего. Я верю, что вы тогда *искренно* так думали. Высказывать, что думаешь, даже честнее, чем замазывать. И верю я, что вы никогда не были именно Розановым, т.е. человеком с двоящимися мыслями — во всякий час. А только вот в этом последнем случае я бы перестала вас... видеть, различать; такое без-личие просто выпадает из поля моего зрения, проваливается для меня.....

Если с крайним стойким черносотенством я не интенсивно общаюсь в смысле борьбы, то потому, что некогда, и центр борьбы не тут, слишком они позади, много дела вне «Земщин»⁹. Но я их могу *видеть*, поскольку они длительно и бескорыстно (?) отстаивают свою, явно пропашую, позицию. Но к «Розановым» я слепну¹⁰.

Антисемитизм, между прочим, мне тоже кажется каким-то маленьким *трусливым* чувством. Вопреки рассудку и примитивному общекультурному ощущению — опять дрожь за слабое *свое*: съем жида, пока он меня не съел; отдам его на кухню, прав[ительст]ву, пусть изжарит, а я тогда, готовенького, с правом съем. К чему, Господи! Пусть солнце всходит над жидами и русскими, мне солнца не жалко. А вот тех русских, которые в борьбе с евреями жидовеют, — мне жалко. Вопрос еврейства так глубок сам по себе, что стыдно подходить к нему, не отмыв себя начисто от всякого «анти»-семитизма.

Еще вот что я вам скажу: всего ценнее и лучше было бы, если бы вы, совершая ваш дальнейший путь, на каждом повороте поверяли его, но не чужой правдой, а своей душой. Все люди вам в помощь; выбирайте из тех, от кого чаете получить лучшую; верьте им, но не в них. Все равно, пока правда другого не делается моей, изнутри моей, как бы мною найденной, — она во мне бездейственна. Если — говорю к примеру — вы были тогда, весной, убеждены, что хорошо и внутренно вам можно писать в «Лукоморье», вы обязаны были там писать. Вы погрешили *перед собой*, если, не убедившись моими словами вну-

тренно, а лишь «послушавшись» меня, ушли оттуда¹¹. Вам было приятно, быть может, послушаться, и оказалось потом выгодно; а грех все же остался (если было так.)

И теперь: подумайте над правом и смыслом своей «аполитичности»; но не интересуйтесь «политикой», потому что вот тот-то или этот ею интересуется. А что моего интересования касается, то видите: вы его еще не поняли, — когда писали мне, по крайней мере.

Однако я, кажется, возвращаюсь к началу письма. Да и пора кончить. Успокоили ли Ганфмана?¹² Вот, ему кроме *фактов* ни до чего нет дела. Надеюсь, что вы устроили с отъездом, остались?¹³ В воскресенье¹⁴ жду вас. Ежели написала что не так — постарайтесь все же понять недописанное.

З. Гиппиус.

Отправлено на тот же адрес. Почт. штемпель: 30.12.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 31 дек[абря] 1915». Частично опубл. в коммент. Н.А. Богомолова к кн.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 440; тот же фрагмент — *Варжаметян*. С. 28. Другой фрагмент — в примечаниях И.П. Андреевой к кн.: *Ходасевич Владислав*. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 418–419.

¹Цитата из предисловия М.О. Гершензона к его книге «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908. С. IV), с сокращением (обозначено отточием) и собственным добавлением Гиппиус (в круглых скобках).

²Слова Иисуса, обращенные им к сатане/дьяволу (Мф. 4: 10; Лк. 4: 8), но также и к апостолу Павлу (Мф. 16: 23; Мк. 8: 33).

³Ср. в письме Тинякова к Б.А. Садовскому от 6 июня 1915: «...я органически выше и шире партийных и газетных перегородок» (*Варжаметян*. С. 27). Ср. также в «Исповеди антисемита»: «Что же касается меня, то *разницу* между этими газетами [«Речь» и «Земщина»] я вижу, а *бездны* действительно, не вижу, и вместиться *всецело* не могу и не хочу ни в ту, ни в другую, ни в какую-нибудь третью газету» (Журнал журналов. 1916. № 13. С. 7; *Варжаметян*. С. 29).

⁴Общепотребительное сокращенное название партии социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков). Судя по всему, с ними Тиняков сблизился в 1904–1905 гг., но впоследствии решительно отошел.

⁵На протяжении долгого времени Тиняков с глубоким интересом относился как к творчеству В.В. Розанова (1856–1919), так и к нему самому. Воспоминаниями Б.А. Садовского зафиксировано его присутствие на «воскресеньях» Розанова (Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 175 / Публ. С.В. Шумихина), сохранился инскрипт Розанова, обращенный к Тинякову (см.: Розановская энциклопедия. М., 2008. Стлб. 1255; справка Е.Р. Обатниной). Однако в 1915 г. Тиняков несколько раз печатно выступал против новых произведений Розанова (см. п. 3, примеч. 3, а также: *Тиняков Александр*. «Наименее рожденный» // Петроградский курьер. 1915. 1 октября).

⁶ Никольский Борис Владимирович (1870–1919, расстрелян красными) – юрист, поэт, литературовед, переводчик, активный деятель крайне правого общественного движения. Был приват-доцентом историко-филологического факультета Петербургского университета, преподавал в Училище правоведения, с 1913 – профессор Юридического факультета Юрьевского университета (назначен приказом министра, а не избран). О своем знакомстве с Никольским Тиняков рассказывал: «...Садовской, узнав, что я написал статью о деле Бейлиса, отнес ее к известному “правому” деятелю профессору N, и уже с “благословения” последнего и с его поправками эта статья и была напечатана в “Земщине”» (Журнал журналов. 1916. № 13. С. 7; *Варжанаптян*. С. 29; см. также запись в дневнике Никольского, приведенную выше). К 1915 г. связи Тинякова и Никольского прекратились – судя по всему, по воле Тинякова. 19 февраля 1914 г. А.А. Кондратьев, близко знакомый с Никольским еще с университетских времен, сообщал Тинякову: «Б.В.Н. о Вас осведомлялся» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 21), и 18 июня того же года: «Рекомендую Вам как-нибудь черкнуть письмо Борису Владимировичу. Он всегда о Вас спрашивает» (Там же. Л. 28), затем 14 июля: «Я виделся недавно случайно с Борисом Владимировичем. Он спрашивал о Вас и просил Вас ему написать, обещая ответить. Летом он отвечает. Его адрес: ст. Туршевич Николаевской ж.д., имение княгини Урусовой. Б.В. Н-му» (Там же. Л. 40). Однако, судя по всему, ни писем, ни встреч между ними больше не было. Особенно должны были остеречь Никольского сообщения Кондратьева. Так, 6 января 1916 г. он писал: «Садовский же просил у меня навести справку, в каком № “Земщины” была напечатана Тиняковым статья за подписью Куликовского. Но я предпочитаю не дразнить змей без особой к тому надобности, да и времени у меня для справок нет. Он хочет обличить Тинякова в литературных кругах, а на самом деле свести с ним личные счеты. Да и сам Садовской хорош гусь» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 130 и об.), а 25 июня добавлял: «Вообще Вас, по-видимому, не забыли, хотя в печати и не упоминают столь же часто, как в прежние годы. К сожалению, последняя ссора Бориса Александровича с Александром Ивановичем, в которой оба этих оказавшихся мелкими себялюбцами человека старались при помощи всяких средств потопить друг друга, Вам повредила. В своих стремлениях очернить один другого, они касались и третьих лиц. Александр Иванович намекал в одном из писем в редакцию, что Борис Александрович толкал его на что-то близкое к провокации, и оба тут же или почти рядом упоминали правого профессора, специалиста по Фету. Получалась, вольно или невольно, какая-то, б[ыть] м[ожет], и нежелательная для них самих ассоциация. Но я боюсь, что ассоциация эта отравила Ваше последнее литературное знакомство. Ну да черт с ними!..» (Там же. Л. 138).

⁷ Пешехонов Алексей Васильевич (1866–1933) – экономист, видный публицист, один из основателей народно-социалистической партии (1906), министр Временного правительства (1917).

⁸ «Русское знамя» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге-Петрограде, орган Союза русского народа (1905–1917).

⁹ «Земщина» — ежедневная ультраправая газета, выходившая в Петербурге-Петрограде в 1909–1917 г. В ней, помимо Тинякова, сотрудничал и В.В. Розанов, напечатавший ряд статей, касающихся дела Бейлиса.

¹⁰ Имя Розанова здесь упомянуто как символ «переметничества», что было связано с давним к тому времени конфликтом между ним и Мережковскими, вылившимся в исключение Розанова из Религиозно-философского общества, широко обсуждавшееся в печати того времени.

¹¹ См. п. 2 и примеч. к нему.

¹² Ганфман Максим Ипполитович (1873–1934) — юрист, публицист, редактор литературного отдела газеты «Речь», где в то время сотрудничал Тиняков.

¹³ Ввиду тяжелого материального положения Тиняков постоянно собирался уехать в Орловскую губернию к родителям. Случилось это только в конце 1917 г.

¹⁴ Ближайшее воскресенье приходилось на 3 января 1916 г.

10. [4 февраля 1916. Петроград]

4-2-16 Спб.
Серг[иевская] 83

Многоуважаемый Александр Иванович,

я более или менее поправилась, не придете ли в это воскресенье?¹

ДС. тоже хотел бы с вами повидаться.

Искренно Ваша

З. Гиппиус.

Отправлено на тот же адрес. Почт. штемпель: 5.2.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 5 фев[раля] 1916».

¹ Имеется в виду 7 февраля.

11. [22 февраля 1916. Петроград]

22-2-16 Спб.

Многоуважаемый
Александр Иванович.

«Прерыв» и «переворот» еще не значит «конец». Это лишь означает вступление в какую-то, пока, неизвестность.

Но об этом — в свое время. А пока — ДС. просит вас зайти к нам *завтра* (вторн[ик]) около 10 вечера, с тем материалом, [с] кот[орым] вы должны были прийти в воскресенье¹.

З. Гиппиус.

Закрытое письмо на адрес: Александру Ивановичу Тинякову. В[асильевский] О[стров]. 5 л[иния]. д. 30 кв. 25. Почт. штемпель: 22.2.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 23 ф[евраля] 1916».

¹ О каком материале идет речь, нам неизвестно.

12. [26 февраля 1916. Петроград]

Серг[иевская] 83, 26-2-16. Спб.

Многоуважаемый А[лександр] И[ванович].

Я прочла вашу статью¹. Извините меня, если не смогу по поводу нее сказать столько, сколько бы следовало. Но для всего, что я могла бы вам сказать, почтовых листков недостаточно. Ограничусь некоторыми отрывочными замечаниями.

Сначала о внешнем, конкретно-деловом. Я вам, для вас, не советую читать статью. Для лекции серьезно-специальной она недостаточно цельна и длинна; для публично-популярной — слишком специальна и серьезна. Ее нецельность ей вредит во всех смыслах. Вам, быть может, следовало бы сказать *свое* и «впятеро пространнее», и отнюдь не отталкиваясь ни от Мережковского, ни от кого другого. Такие отправления производят впечатление искусственности. И заставляют вас переходить из одной плоскости в другую, из одного масштаба в другой, почти полемизировать с частными явлениями, говоря об общих. Благодаря этому, значение того положительного, что вы хотите сказать, умалется, перебивается, и самые возражения вам могут быть тоже какие-то смешанные. Если даже мы вынем все наиболее попутное, — отдельные взгляды отдельных людей с Мер[ежковским] включительно, и такие ваши «возражения» как статистика, указывающая на «малое еще распространение христианства» (в каком *порядке* это «возражение»? Для кого оно? Для убежденных — смешно, для неубежденных — не интересно), если, говорю я, мы с усилием все эти очевидные нестройности и даже порою lapsus'ы выкинем — то и после этого труда не легко будет определить вашу позицию и позицию статьи, главное. Говорите ли вы религиозно или философски? И... говорите ли вы о религии или о философии? Что это, историко-философское исследование религий или религиозная проповедь?

И нельзя решить, ибо это, в самом деле, ни то, ни другое, это смешение методов и концепций. Порою так выходит, что это, главным образом, суд над *народами* по признаку их религий, по их концепции Бога. Вы тогда во главу угла ставите нацию, народ, и даже не в движении их, а в любом данном. Вам не приходит в голову, что иудейская религия как таковая оценивается с двух сторон, со стороны вечного критерия и со стороны исторической; и если с одной стороны она должна быть осуждена, то *иудейского народа* это осуждение никак не может коснуться, ибо никакой народ никогда не может быть судим вне концепции исторической².

Но я отбрасываю все детали, важные и неважные, для краткости и подхожу к центру прямо, т.е. к тому, что, для меня, скажем, — есть главная религиозная нить, а в вас и в ваших религиозных приближениях абсолютно отсутствует. Это столь центрально, что я даже затрудняюсь, по совести, назвать *религией* систему или мироощущение, где такой элемент отсутствует.

Я назову его — *Движением*. Возьмите как можно широко. Конечно, это обще, это намек, но уверяю вас, что знающий — поймет, о чем я говорю, без дальнейших определений (вполне возможных), а не знающий вряд ли поймет и с ними.

Отсутствие этого элемента у вас во всех проекциях, в философии, в истории и т.д. — очень примечательно. Восходя дальше, я и принуждена спросить себя, не таково ли самое свойство вашей «религии», не оттуда ли идут эти неподвижные лучи? Все, что вы говорите мне об этом источнике, очень внятно отвечает мне «да». Напрасны все словесные доказательства о «деятельности», о «приемлемости мира», о «воле», даже о «движении».... это все будет «не о том», и лишь совпадение слов. Ведь и движение по кругу — движение; и внутреннее стремление к Богу — тоже. Но для меня-то, знающей, о чем я говорю (и для других знающих и узнавших) — это будет не то, мимо. Там «сомкнут тайный круг»³. И вот, все —

Застыло, камня, как тело мертвеца.

Движение — но без воли. Конец — но без конца.

Тут: «Отец Мой и доныне делает»⁴.

Там: «И вечности безглазой беззвучен строй и лад....»

Пусть я не права. Но Божественному-только-Божественному, самому несказанно-высокому, самому «сверх-».... я, однако, «почтительнейше билет возвращаю»⁵ во имя ценности моего и все-человеческого. Мало того: я имею дерзость считать, что у меня есть

нечто, оправдывающее «возвращение билета»... на проезд в Индию⁶. «Движение» — это все еще в плоскости философской, и хотя не имеющему этого понятия дать его никакими разъяснениями нельзя, однако разъяснять тут, обосновывать, говорить — очень возможно. Но соответственно «Движению» — в плоскости религиозной есть Нечто, что ни на каком языке раскрыто быть не может, — а есть, и даже все есть потому, что оно есть. Я дерзаю поставить его «сверх» всей сверхмудрости и сверх-личного восточного Божества, сверх всего древнего бездонного круга. Назвать? Но имени я не знаю. Имею только условный знак, им сообщаются между собою те, кто носят в себе зерно понимания. Этот знак, слово, — *Любовь*.

Тут уж я вам не скажу: возьмите широко. Его, знак, ни широко, ни узко, нельзя взять, вообще нельзя взять: только иметь или не иметь. Видеть или не видеть.

Видящий или хоть понимающий, о чем речь, уже не пойдет в широкий, неподвижный Круг Востока, с его беспредельно-высокими небесами, не пойдет ни за какое сверх-блаженство, ни за какие обещанньясверхправды. «Небо-то... ведь оно, ты что думаешь? ведь оно в рост человеческий», — сказал один сибирский старичок⁷. И верно; так же верно, как и то, что оно высоко — без предела. Знающий о Движении, понимающий о Любви — это поймет. Другие — да пребывают в посильном блаженстве Высшей Мудрости, но пусть не судят Наивысшего, — им оно не даровано.

Возвращаясь к вам и к смешанности ваших реплик, скажу: если б весь мир принял «религию» Востока, и только трое⁸ оставались бы в религии «Движения — Любви», — то уверенность этих троих не поколебалась бы: они точно так же надеялись, желали и ждали бы, что Круг разорвется, что мир сдвинется, что со всей Мудростью он войдет в Волю высшую, т.е. в Движение — Любовь.

Как ни трудно разорвать Круг для находящихся в Круге, — «нет невозможного для Бога»⁹, и я не смотрю и на них, как на остановившихся довека; ведь я не хочу, ради Истины, отнять у них что-либо, — но *прибавить*. А все-таки сколь ближе мне (и ближе к Истине) братья-иудеи, народ-ребенок, *уже* весь в Движении, *уже*, с самого начала поставленный на путях к Любви. Не очень мудр мудрец, если он убьет ребенка за то, что ребенок своими словами, по своему видению, расскажет ему об отце, — неверно, конечно, неполно и смешно. Убить же этого ребенка или хоть за дверь выкинуть — не смешно, а страшно.

Пленный далекой, неподвижной Мудростью — вы уже готовы на убийство. Войдя в Круг, сделавшись мудрецом, вы, конечно, и от

этих движений откажетесь. И ваш суд над иудаизмом (+ народом иудейским) я отношу к вашей опасной переходной позиции. К вашим «борениям». Как она ни опасна, ни неустойчива — желаю вам, все же, оставаться на ней по возможности дольше..... если, в конце концов, вы попустите Круг замкнуты вас.

Зерна понимания того Главного, о чем говорила я смутными намеками, — лежат во всякой душе. Но в иных прорастают, в других спят долго-долго, мертвым сном. У вас они спят. Бог один знает, когда этот мертвый сон переходит в подлинную смерть. И переходит ли. Но на каждого человека смотрю я с надеждой или со страхом. Один слова не умеет связать, глупые грубости городит, а у него зеленая былинка в душе качается; другой доступен сложнейшим умственным построениям, высоким экстазам ощущений, и.... сухая земля у него там, где лежат глухо семена «Движения — Любви».

Не останавливаюсь совершенно на ваших строках о «революции»¹⁰. Они у вас даже внешне-непродуманы да и естественно-ненужны, притянуты искусственно (как весь Мережковский и вместе с ним). Кроме того, если принять все, что сказано мною выше, — ясно, что ничего нельзя говорить о «революции», увидеть даже нельзя ее, не зная ничего о Движении. Она ему прилежит, как творог и снег прилежат «белому». Слепой может говорить кое-что о твороге и о снеге, но никогда не скажет всего верного, нужного — *мне*, знающей «белизну».

Кончаю тем, чем начала. Если вопрос, которым Вы заняты, трогает вас серьезно, — отнеситесь к нему серьезно, — с какой-нибудь из двух сторон: научной или внутренней, но *не литературной*; во всяком случае — смешением тонов, аспектов и отсутствием перспектив ничего не достигается. Всякое действие (даже чтение лекции) должно быть узко, как лезвие ножа должно быть — устро.

До свиданья. Не сетуйте на смутную отрывочность письма. Как иначе?

З. Гиппиус.

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель 27.2.1916. Помета Тинякова карандашом: «получ[ено] 27 февр[аля] 1916».

¹⁰ О каком именно тексте Тинякова идет речь, неизвестно. Вероятно, он не был опубликован или прочитан в виде публичной лекции, иначе заслужил бы отзывы в критике в связи с апрельским скандалом. После же этого скандала появление материала в печати стало бы невозможно.

² См. в письме Тинякова в редакцию газеты «Земщина» (вероятно, в более обостренном и усиленном виде по сравнению с обсуждаемым тек-

стом): «...поскольку *иудаизм* является выражением семитического духа и поскольку *христианство* является преодолением и отрицанием иудаизма — постольку я и до сих пор являюсь антисемитом, и впредь таковым останусь, от Иисуса Христа не отрекусь. [...] Евреи желают утвердить в мире свое национальное “я” в ущерб всякому другому ”я”. И нет, на мой взгляд, дела более позорного, изменнического и грешного, чем помогать им в этом их стремлении, ибо еврейские победа и торжество будут знаменовать собою гибель и поругание всей нашей культуры и утверждение в мире тесного для нас и омерзительного талмудического порядка» (Земщина. 1916. 17 апреля. № 2328. С. 3).

³ Не вполне точная цитата (в оригинале: «...сомкнули тайный круг») из стих. «Часы стоят» (1902) (Гиппиус. Стихотворения. С. 127-128). И далее Гиппиус цитирует это же стихотворение, не везде точно.

⁴ Не совсем точная евангельская цитата (Ин.: 5: 17: «Отец мой доныне делает, и Я делаю»).

⁵ Слова Ивана Карамазова (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», ч. 2, кн. 5, гл. VI). Поставлены эпиграфом к позднешему стихотворению Гиппиус «Рай» (Гиппиус. Стихотворения. С. 339).

⁶ Речь идет о мировоззренческих принципах некоторых восточных религий и соответствующей им бытовой практике «бездвижности». См., напр., в отклике Гиппиус на статью Тинякова: «Если мне скажут, что *Будда* и *Эдиссон* идут в разные стороны, — о, под этим я подпишусь обеими руками. Но и пусть себе они идут в разные стороны. Я не участи Индии хочу моей России» (А. Кр. Равноценности // Голос жизни. 1915. № 9. С. 1).

⁷ Источник цитаты не разыскан.

⁸ Имеются в виду члены «триумвирата» — Гиппиус, Мережковский и Философов. С другой стороны здесь, очевидно, есть намек на евангельскую фразу: «...где двое или трое собраны во имя мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20).

⁹ Ср.: «...человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19: 26).

¹⁰ См. в письме Тинякова А.А. Блоку от 20 апреля 1916: «...революционные движения не всегда бывают прогрессивны, но, по большей части, только *конвульсивны* и *как таковые* они часто ведут не к возрождению, а к ослаблению народных сил, и, следовательно, считать революцию непременно составленной частью *общечеловеческого* прогресса — нельзя. Не думаю, чтобы Гете или Толстой были враждебны прогрессу, но вряд ли у Революции найдется много столь серьезных противников, как они» (Варжаметян. С. 34).

13. [28 февраля 1916. Петроград]

28-2-16 Спб.

Я была бы не собой, а чем-то вроде того демонического существа (никогда «субъекта», всегда «объекта»), которым вы меня представ-

ляете, если б я могла оставить ваше письмо без ответа. Мне кажется бесполезным говорить с вами словами разума. Но не могу и смотреть молча на живое человеческое существо, столь явно исчезающее под властью Беса. Тем менее могу, что очевидно: какая-то шерстинка, волосок какой у этого вашего беса — от меня. Слова прозвучали... сгасли, как будто, и ничего; из них вырос коготок чорта, в вас вошедшего. «Люблю я себя, как Бога...»¹, «мы все пойдем на восток...»² и, наконец, — «безрадостно-благополучно...»³ — вы даже не заметили, *откуда* это? Я справилась с чортом, а *показать* смогла не борьбу и победу, а только его самого. Я его выгнала из своего дома, а он пошел в ваш и, «найдя его прибранным и выметенным», «привел с собою злейших и поселился» в нем⁴. И мне случайно (или не случайно) довелось на это любоваться.

Я бы могла указать на вопиющие логические противоречия вашего собственного письма, но... бесполезно; ибо «сей род изгоняется лишь постом и молитвой»⁵, лишь действием *воли*, человеческой и божественной, или Бого-человеческой. Бог не захочет помочь вам (из любви к вам не захочет), если вы не захотите помочь Ему в этой помощи.

Слышу знакомый голос дьявола в «смиренной» — «оценке своих сил». Не верьте ему, — тут я с правом скажу — верьте *мне*: человеку не открыта мера его сил, не позволено определять ее, «ибо не мерою дает Бог духа...»⁶. Ваше ли это дело? Ваше — идти так, чтобы дойти, остальное вас не касается. Мало *верить* в Бога: надо еще *доверять* Ему. (Я не говорю, что я, вот именно я, и верю, и доверяю. Я говорю только, что *надо*; и имею право требовать этого от вас, ибо такие же требования предъявляю и к себе.) Есть только одна опасность: совершить *меньше* своих сил. Вот для этого-то дьявол и подталкивает на недозволенное «самовозвешиванье», имеющее такой «смиренный» аспект! И затемняет воистину смиренный разум, показывающий, что «оценка» уже потому ненужна, что сверх-то своих сил вы, ведь, ничего не сделаете, и только дадите «меру сил», когда будете делать без меры.

Но... «сей род изгоняется постом и молитвой». Для каждого свой «пост», свое действие. Не только Бог, но и человек не может другому помочь, если другой не поможет ему помочь. Попробуйте захотеть моей помощи, быть может, я и смогу вам ее дать. Я хотела бы, и уже потому особенно, что по человечеству виновата перед вами, — (если хоть шерстинка беса, вас одолевающего, от меня).

Не забывайте только, что моя помощь будет — человека человеку. Вашему бесу, заставляющему вас смотреть на меня своими глазами

и видеть во мне не Человека (без смирения ставлю большую букву и желаю быть только достойной этого имени) — но какое-то подозрительное существо, «объект» благоговения и т.д., — вашему этому кощунственному бесу я помогать не желаю. Если вас не хватит и для первого усилия освобождения — и моя протянутая *человеческая* рука не встретит вашу, — что ж, это будет дьявольская победа, и моя вина останется на мне.... Но это я напрасно пишу вам: не для меня, а для себя сделайте усилие освобождения. Для себя. За свои вины я сама отвечу, думайте о себе, прежде всего.

Чем сильнее хочу я помочь вам, — тем беспощаднее я к вашему бесу. И напрасно он говорит со мною из вас — обо мне. Я знаю его насквозь, меня он не обманет. Я — уже и не спорю с ним: *наш* спор кончен. Я смеюсь ему в лицо, где бы я это лицо не увидала. И придумал новую штуку: одолевать других на моих глазах. Мне остается один выход: пытаться помочь другому в борьбе.

3. Гиппиус.

Вот это тоже *не вы* сделали приписку о «непрочтении вашего письма на собрании». Не вы, и не мне, а тому безответственно-божественному объекту, одному из тех, которым, по своей благодати, «Бог не дал *быть*».

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель 29.2.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 29 ф[евраля] 1916».

¹ Из стих. «Посвящение» (1894). См.: *Гиппиус*. Стихотворения. С. 76.

² Неточная цитата из того же стих. В оригинале: «Мы оба идем на восток».

³ Из стих. Гиппиус «Дьяволенок» (1906). См.: Там же. С. 177–179.

⁴ Отсылка к Лк. 11: 24–46.

⁵ Не вполне точная евангельская цитата: Мф. 17: 21; ср. тж. Мк. 9: 29.

⁶ Ин. 3: 34.

14. [2 марта 1916. Петроград]

2-3-16. СПб.

Совершенно основательны были мои опасения, что слова разума ни к чему нас не приведут.

Верю вашей искренности. Могу уловить вашу психологию. Она мне чужда. И так наполняет вас, что для логики нет места. Оттого вы

и не слышите меня. Ни согласий, ни несогласий у вас нет со мною. И на «путь» мой вы не можете ни нейти, ни идти, ибо этого пути вы не видите.

И все ваши «возражения» я принуждена признать несуществующими, т.к. это возражения «не на то».

Устраним же из наших разговоров — бесполезное для вас (ибо невидимое) — мое «ту». Оставляйтесь в царстве своей собственной, данной, психологии. Она мне чужда, — но не могу же я отрицать то, что есть. Я буду помнить, что под все слова, как «любовь, помощь, справедливость, движение» — вы подставляете свои (психологические, поэтому неустойчивые) понятия, и совсем *не можете* представить себе другие. Помня это, я, если придется говорить с вами, в вашей плоскости и постараюсь оставаться.

Возможны неожиданности, конечно; откуда, например, у вас выплыло «масонство», и какое оно имеет к нам и нашим разговорам отношение, — я никак не могла понять сразу¹. Стала в тупик. Оперирюя с прихотливыми нитями чистой психологии, да еще чужой, всегда можно запутаться. Масоны... откуда масоны? Звуковые ассоциации... Вы против иудаизма... против жидовства... против масонства... — «жидо-масоны»... — это «отображение внизу». Отлично. Готова и тут понять. Но ваш пафос против масонства не только мне чужд: еще неинтересен, благодаря неинтересности масонства.

А впрочем.... говорите о* масонстве. Говорите о чем хотите. Ваши рассуждения о «влюбленности» меня почти так же удивили, как и неожиданное появление масонства. Но я их тоже принимаю. Вы искренни — этого довольно. Всякая моя требовательность к вам прекращается.

Помощи я *оказать* вам не могу. Но если вы называете что-то «помощью» и хотите это от меня *взять* — берите, пожалуйста. Где несправедливость? (пусть «справедливость — высшее», я, ведь, говорю повашему.) Я ничего не даю; если же вам *кажется*, что вы что-то берете, и это «кажется» вас утешает, — где проигрыш? Не на моей, во всяком случае, стороне.

Напротив, «запрещая» вам что-либо (видеть меня, например), я тем продолжала бы наш, в данную минуту бесплодный, спор, какой-то лишний, х [икс] сил потратила бы. Данное же положение и вас и меня устраивает. В моем простом, самом жизненном, доброжелательстве — вы, конечно, не будете сомневаться.

* В тексте — «и», т.е. вероятно, Гиппиус имела в виду написать «и о».

Если зайдете во вторник днем (воскресенья мои отменены), я отдам вам вашу статью. И кое-что скажу насчет Ляцкого².

До свиданья

З. Гиппиус

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель 3.3.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 3 марта 1916».

¹Тиняков верил классическому утверждению антисемитской пропаганды о единстве масонства и иудаизма (или мирового еврейства). См. в его письме к А.М. Ремизову от 14 января 1914: «Либо мы сохраним нашу Расовую Арийскую душу, наши церкви и нашу культуру, — либо потеряем все и подпадем под власть дьяволопоклонников — жидов и масонов. Да не будет второго» (*Варжашетян*. С. 24). Ср. также письмо к нему И.С. Рукавишникову от 15 января 1914 (*Варжашетян*. С. 25).

²См. п. 6, примеч. 4.

15. [24 марта 1916. Петроград]

24-3-16 СПБ

Я не то что осуждаю вас, Александр Иванович, но мне очень грустно на вас смотреть. Если вы «довольны и счастливы» — тем грустнее. Не оттого, что «мудрость печальна»¹, а оттого, что вам не от чего быть сейчас собою довольным. Да и все у вас надрыв. Слепли и путаете, смешиваете и важное, и неважное, без перспективы. Ведь вы мне (теперь!) серьезно пишете, что, вот, Шмаков² вам книгу с автографом прислал, а у вас и тут «голова не закружилась» и вы не променяли «исканья правды» на эту честь. Я просто теряюсь, не знаю, улыбнуться мне или отвернуться. Совершенно так же непонятна мне психология ваша, когда вы пишете что-то о Мережковском, о ненависти к нему и т.д. Если бы все порядочные люди сплошь ненавидели нас до кровомщения, а все Шмаковы обожали, — вы думаете, что я из-за этого порядочных стала бы проклинать со всеми их делами и родом их, а Шмакова принимать? Вот, пожалуй, иудейская психология, в дурном смысле, — ведь не дай Бог, когда русский человек «жидовеет», он хуже еврея на это способен.

Я повторяю: ни ссориться с вами, ни «запрещать» вам что-либо — намерения не имею. Если бы вы слушались советов — я бы вам их давала. Но вы их не слушаетесь, значит — бесполезно. Смотрю на вас совершенно иначе, нежели вы сами на себя. Даже обратно. Т.е. ваши поступки и ваши «страстишки» (вроде «заведу драку» и пр.) я считаю вредными, — слегка для других, весьма для вас самого; и мелкими:

неумными даже, почти «провинциальными», вроде скандальчиков губернского чиновника в подпитии³. Но вас самого — я считаю человеком талантливым, с хорошими *возможностями*. Я вижу вашу правду даже когда вы лжете и выкручиваетесь, и тем более мне грустно и жалко... не вас, а вот эту обиженную правду, вами в вас попираемую. Почти поправную.

Это ложь, что вы «презираете» мнение о вас «всех» (?) и «дорожите только моим». Вы дрожите, напротив, перед взглядом последнего из «всех», но.... неловки, и как раз потому, что сущность-то ваша — не ложь, не эта безмерная, жалкая слабость, рабья какая-то; — сущность ваша иная. Вы только ее душите, вместе с отпущенными вам «дарами».

Видите, мы смотрим совершенно противоположно на одного и того же человека, — на вас. Кто-нибудь ошибается. Но тут уж надо сказать открыто: ошибаетесь вы. *Не я*.

Найдите же, что ваши «поступки», вот хотя бы в этой истории, вплоть до вашего «письма» Василевскому⁴, *я отрицаю*; я — с теми, кто вашим поступкам не доверяет. Но то доброе в вас, что и есть *вы*, — утверждаю. Пока не будет совсем задушено. Очень трудно теперь освободить его. Куда легче задушить окончательно. Только скользить дальше... Но вы понимаете, что мне грустно смотреть на это. Нечем любоваться.

З. Гиппиус.

Адрес на конверте: Александру Ивановичу Тинякову. Вознесенский пр. д. 18 кв. 39. Здесь. Почт. штемпель: 24.3.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 4 марта 1916». Оpubл.: *Варжаметян*. С. 30.

¹ Слова восходят к Еккл. 1:18.

² Шмаков Алексей Семенович (1852—1916) — видный антисемит, автор книг «Евреи в истории» (1907), «Международное тайное правительство» (1912) и др. По основной профессии юрист, на процессе Бейлиса был гражданским истцом. В статье «Грозовая заря» Тиняков писал: «Участие в процессе Бейлиса такого глубокого знатока еврейских тайн, каков А.С. Шмаков, заставляет надеяться на то, что тайные цели жидов будут раскрыты с достаточной ясностью» (Земщина. 1913. 4 октября. № 1459. С. 3; *Варжаметян*. С. 24).

³ Явный намек на поведение самого Тинякова, известного скандалами в пьяном виде. В частности, с Ф. Сологубом и Ан.Н. Чеботаревской он разошелся именно из-за такого скандала.

⁴ Василевский Илья Маркович (псевд. Не-Буква; 1882—1938; расстрелян) — журналист, в 1916 — редактор «Журнала журналов», где была опубликована «Исповедь антисемита» Тинякова.

16. [29 марта 1916. Петроград]

29 Мр. 16

Завтра, в среду, будьте добры зайти ко мне около 5 ч., Александр Иванович, если желаете сказать еще что-либо сверх вами сказанного.

З. Гиппиус.

Закрытое письмо на тот же адрес. Штемпель не читается. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 30 мар[та] 1916».

Литература

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 474–475.

Богомолов Н.А. Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 года // Русская публицистика и периодика эпохи первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 243–254.

Варжанетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28–37.

Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов / Сост., вступ. ст. и комм. А. Н. Николюкина. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2002. 560 с.

Гиппиус З.Н. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. (Новая Библиотека поэта. Большая серия). 592 с.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 11. 589 с.

Емельянов В. Знал ли Александр Иванович халдейский язык? (Об источниках стихотворения А. Тинякова «Тукультипалешарра») // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 109–120.

Еремин А.И., Жукова Ю.В. Рукописный журнал орловских гимназистов начала XX века «Школьные досуги» (Источниковедческий обзор) // Образование и общество. 2005. № 1 (30) январь – февраль. С. 113–120 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jeducation.ru/1_2005/113.html

З.Н. Гиппиус в переписке с братьями Н.Л. и М.Л. Слонимскими (1915–1923): История личных и творческих отношений / Вступ. ст.,

подгот. текста и коммент. Кита Триббла // Русская литература. 2006. № 6. С. 193–229.

Котова М. К истории отношений А. Тинякова и М. Зошенко // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском пешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 122.

Краснова Н. Федор Крюков и Александр Тиняков // Наша улица. 2006. № 2. С. 13–25.

Лекманов О. «У Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411–426.

Лекманов О. 15 помет Александра Тинякова на книге Зинаиды Гиппиус «Последние стихи» (1918): К построению читательской истории литературы // Антропология революции. Сб. статей / Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин. М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 127–138.

Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. Вып. 3: 1911 – октябрь 1917 / Ред.-сост. М.Г. Петрова; Под общ. ред. А.В. Лаврова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 670 с.

Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М. РОССПЭН, 2008. 1216 с.

Тиняков А.И. Стихотворения. 2-е изд., испр. и доп. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова. Томск; М.: Водолей, 2002. 416 с.

Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное / Под общ. ред. Н.А. Богомолова. М.: Советский писатель, 1991. 688 с.

Ходасевич В. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому / Сост. С. Сильванович и М. Шатин. Предисл. и комм. Н. Богомолов. Примеч. к письмам и заключ. статья И. Андреева. М.: СС, 1996. 464 с.

Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Феникс, 1998. Вып. 24. С. 10.

References

Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921) [Block in the unpublished correspondence and diaries of contemporaries (1898–1921)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], Moscow, Nauka Publ., 1982, t. 92, kn. 3, pp. 474–475. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Neosushchestvlennyi tsikl O.E. Mandel'shtama i zhurnal'naiia polemika 1915 goda [Unrealized cycle of Osip Mandel'shtam and the

journal polemics in 1915]. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi pervoi mirovoi voiny: Politika i poetika: Issledovaniia i materialy* [Russian journalism and periodicals era of the First World War period: Politics and Poetics: Research and Materials]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2013, pp. 243–254. (In Russ.)

Emel'ianov Vladimir. Znal li Aleksandr Ivanovich khaldeiskii iazyk? (Ob istochnikakh stikhotvoreniia A. Tiniakova «Tukul'tipalesharra») [Whether Alexander Ivanovich knew the Chaldaic language? (on the Sources of the Tiniakov's Poem "Tukultipalesharra")], *Lesnaia shkola: Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature* [Proceedings of the VI International Summer School on the Karelian Isthmus in Russian literature]. Pos. Poliany (Uusikirko) Leningradskoi obl., 2010, pp. 109–120. (In Russ.)

Engel'gardt N.A. Epizody moei zhizni (Vospominaniia) [Episodes of My Life (Memoirs)]; publ. S.V. Shumikhina. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. [Past: Historical almanac], Saint-Petersburg, Feniks Publ., 1998, vyp. 24, p. 10. (In Russ.)

Eremin A.I., Zhukova Iu. V. Rukopisnyi zhurnal orlovskikh gimnazistov nachala XX veka «Shkol'nye dosugi» (Istochnikovedcheskii obzor) [Manuscript journal of Oriol's Gymnasium students of the beginning of the 20th century "School leisure" (Source studies)]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society]. 2005, no 1 (30) ianvar' fevral', pp. 113–120. available at: http://www.jeducation.ru/1_2005/113.html (In Russ.)

Gippius Z.N. *Mechty i koshmar: Neizvestnaia proza 1920–1925 godov* [Dreams and Nightmare: Unknown Prose of 1920–1925]; sost., vstup. st. i komm. A.N. Nikoliukina. Saint-Petersburg, OOO «Izdatel'stvo "Rostok"», 2002. 560 p. (In Russ.)

Gippius Zinaida. *Stikhotvoreniia* [Poems]; vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. A.V. Lavrova. Saint-Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt» Publ., 1999. (Novaia Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia). 592 p. (In Russ.)

Gor'kii M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t.* [Complete of Works. Letters. In 24 vols.]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2004, t. 11. 589 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Koleblemyi trenozhnik* [Shaked Tripod]; pod obshch. red. N.A. Bogomolova. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 688 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Nekropol'. Literatura i vlast'. Pis'ma B.A. Sadovskomu* [Necropolis: Memoirs; Literature and Power; Letters to B.A. Sadovskoj]; sost. S. Sil'vanovich i M. Shatin, pred. i komm. N. Bogomolov, prim. k pis'mam i zakl. stat'ia I. Andreeva. Moscow, SS Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)

Kotova Mariia. K istorii otnoshenii A. Tiniakova i M. Zoshchenko [To the History of a Relationship: A. Tiniakov and M. Zoshchenko]. *Lesnaia shkola: Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature* [Proceedings of the VI International Summer School on the Karelian Isthmus in Russian literature]. Pos. Poliany (Uusikirko) Leningradskoi obl., 2010, p. 122. (In Russ.)

Krasnova Nina. Fedor Kriukov i Aleksandr Tiniakov [Fiodor Kriukov and Alexander Tiniakov], *Nasha ulitsa* [Our Street], 2006, no 2, pp. 13–25. (In Russ.)

Lekmanov Oleg. «U Lukomor'ia»: K istorii odnogo «natsionalisticheskogo» zhurnala [“U Lukomor'ia”: to the History of a “nationalistic” journal]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII, Mifologiya kul'turnogo prostranstva; K 80-letiiu Sergeia Gennadievicha Isakova. Tartu, 2011, pp. 411–426. (In Russ.)

Lekmanov Oleg. 15 pomet Aleksandra Tiniakova na knige Zinaidy Gippius «Poslednie stikhi» (1918): K postroeniiu chitateľ'skoi istorii literatury [15 Notes by Alexander Tiniakov on Zinaida Gippius' book “The Last Poems” (1918): Creating the Reader's History of Literature]. *Antropologiya revoliutsii* [Revolution anthropology]. Sb. statei; sost.i red. I. Prokhorova, A. Dmitriev, I. Kukulin. M. Maiofis. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 127–138. (In Russ.)

Letopis' literaturnykh sobytii v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Annals of literary events in Russia, end of the 19th – beginning of the 20th cent.] Vyp. 3: 1911 – oktiabr' 1917; red.-sost. M.G. Petrova; pod obshch. red. A.V. Lavrova. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2005. 670 p. (In Russ.)

Rozanovskaia entsiklopediia [Rozanov encyclopedia], sost. i gl. red. A.N. Nikoliukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 1216 p. (In Russ.)

Tiniakov A.I. *Stikhotvoreniia* [Poems], 2-e izd., ispr. i dop.; podgot. teksta, vstup. st. i komment. N.A. Bogomolova. Tomsk; Moscow, Vodolei Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Varzhapetian Vardvan. «Ispoved' antisemita», ili K istorii odnoi stat'i [“The Confessions of an Antisemite”, or To the History of One Article]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1992, no 1, pp. 28–37. (In Russ.)

Z.N. Gippius v perepiske s brat'iami N.L. i M.L. Slonimskimi (1915–1923): Istoriia lichnykh i tvorcheskikh otnoshenii [Z.N. Gippius and her Correspondence with N.L. and M.L. Slonimskie Brothers (1915–1923): a Story of Personal and Artistic Relationship], vstup. st., podgot. teksta i komment. Kita Tribbla. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 2006, no 6, pp. 193–229. (In Russ.)

The Letters of Zinaida Gippius to Alexander Tiniakov

Nikolay Bogomolov

Abstract: Publication of the full corpus of Zinaida Gippius' surviving letters to Alexander Tiniakov (1903, 1915–1916) provides a rich material to determine the correspondent's positions in the literary world during the First World War and before the Revolution of 1917. In 1915 the Merezhkovskys tried to get close to Tiniakov, who worked for many pre-revolutionary periodicals; they expected him to be a person with close views, a publicist they could collaborate with in various ways: they planned to ask him to review their works, to set him topics for discussions in order to propagate by means of polemics their views, to make him an ally in various projects and ventures connected with different periodicals. The attempt of rapprochement was not successful and very soon led to a complete rupture. The letters also provide an insight into the literary relationship not only between Gippius and Tiniakov, but also between other writers. Letters to Tiniakov are considered as a part of a bigger edition, a volume *From the Epistolary Heritage of Zinaida Gippius* of the series *Literaturnoe Nasledstvo*.

Keywords: Zinaida Gippius, Alexander Tiniakov, writers' letters, epistolary, Russian literature of the beginning of the 20th century

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab. in Philology, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru